

УДК 81-112.2

КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСНОВЫ ЭВОЛЮЦИИ ГИПОТЕТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПЕРИОДА XV–XVI ВЕКОВ

Кадырова Г.Р., Арзиева Е.Р.

*Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Алматы,
e-mail: rabikovna@mail.ru, belong_to_dreams@mail.ru*

Данная статья посвящена вопросу эволюции семантических процессов в диахронии, что позволяет рассматривать гипотетическую семантику с обосновывает когнитивно-коммуникативной позиции. В качестве фактического материала в настоящем исследовании использовались языковые единицы с гипотетической семантикой, извлеченные из письменных памятников древнерусского языка XIV–XVI вв. В качестве примеров использовались памятники письменности книжно-славянского типа языка («Тайная Тайных», «Разговор Души и Плоти» и др.) и народно-литературного типа («Домострой», «Послания Ивана Грозного», «Повесть о Петре и Февронии»), а также памятники деловой письменности («Назиратель»). В настоящей работе были проанализированы единицы гипотетической семантики, что позволило сделать заключение о том, что в период XV–XVI вв. существования Московского и зарождающегося Российского государства мировидение русского народа с актуализацией в его ментальности мечтательности способствовало эволюции гипотетической семантики в русском языке. Усиление ее роли в построении конструкций связывается с прагматико-коммуникативной направленностью текста этого периода.

Ключевые слова: гипотетическая семантика, эволюция семантических процессов, когнитивно-коммуникативный подход, древнерусский автор, сослагательное наклонение, языковые единицы

COGNITIVE AND COMMUNICATIVE BASES OF EVOLUTION HYPOTHETICAL SEMANTICS IN THE RUSSIAN LANGUAGE PERIOD XV-XVI CENTURIES

Kadyrova G.R., Arziyeva E.R.

*Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Almaty,
e-mail: rabikovna@mail.ru, belong_to_dreams@mail.ru*

This article is devoted to the evolution of semantic processes in the diachronic, that allows us to consider a hypothetical semantics to justify cognitive-communicative position. As the factual material in this study used a hypothetical linguistic units with semantics extracted from the written records of ancient languages of the fourteenth and sixteenth centuries. Examples used written records of books and Slavic language type («Secret of Secrets», «Conversation of the Soul and the Flesh» and others.) And folk-literary type («Domostroy», «Message of Ivan the Terrible», «The Tale of Peter and Fevronia»), as well as monuments of business writing («Naziratel»). In this paper, a hypothetical unit of semantics were analyzed, which made it possible to conclude that in the period of XV–XVI centuries, the existence of Moscow and the nascent Russian state vision of the world of the Russian people with the actualization of his reverie mentality contributed to the evolution of hypothetical semantics in Russian. Strengthening its role in the construction of structures associated with the pragmatic-communicative orientation of the text of this period.

Keywords: hypothetical semantics, semantic evolution of the processes of cognitive-communicative approach, the ancient Russian author, subjunctive, linguistic units

Разнообразие оттенков гипотетической семантики, наблюдаемое в современной русской языковой системе [1, с. 625-626], складывается на протяжении всего развития русского языка. Теоретическое обоснование этого эволюционного процесса, несомненно, связывается с именем Ф. де Соссюра, превратившего, как справедливо утверждает Л.К. Жаналина, «формулу» «язык – речь в методологию лингвистической науки» [2, с. 7]. Данная методология позволяет выявлять человека как носителя языка в исторических языковых фактах, содержащих гипотетическую семантику и интерпретировать человека как ее гносеологическую составляющую. Репрезентацию последней находим в речевой деятельности, на-

правленной на адресата, следовательно, в коммуникативной деятельности. Это обосновывает когнитивно-коммуникативный подход к рассмотрению эволюции семантических процессов в диахронии, в том числе, гипотетической семантики, что и является целью настоящей статьи.

Спектр смыслов в семантической парадигме гипотетичности, формируемый на базе возможных миров в русском языке периода X–XIV вв., исследует Л.Т. Килевая. Она справедливо подчеркивает, что становление сослагательного наклонения в системе категории наклонения происходит с активным участием мировидения древнего русича, что способствует морфологизации уже имеющих место в русском языке пери-

ферических конструкций в единую грамматическую структуру [3, с. 154].

Цель исследования

Рассмотрение эволюции уже достаточно устойчивой к периоду XV–XVI вв. гипотетической семантики с когнитивно-коммуникативных позиций предопределяет учет древнерусского автора как гносеологической и прагматической составляющей текста. В качестве фактического материала в настоящем исследовании использовались языковые единицы с гипотетической семантикой, извлеченные из письменных памятников древнерусского языка XIV–XVI вв. Использовались памятники письменности книжно-славянского типа языка («Тайная Тайных», «Разговор Души и Плоти» и др.) и народно-литературного типа («Домострой», «Послания Ивана Грозного», «Повесть о Петре и Февронии»), а также памятники деловой письменности («Назиратель»).

Применительно к XV–XVI векам древнерусскую литературу можно характеризовать как более философичную, проникнутую «духом публицистической полемики» [4, с. 5] таких талантливых писателей, как Ермолай Еразм, Иван Пересветов, Спиридон Савва, инок Филипп, Максим Грек, а также ряда неизвестных авторов. Д.С. Лихачев отмечает «рост индивидуального начала в стиле произведений». Он в полной мере проявляется в полемике «главных антогонистов эпохи» – Грозного и Курбского [5, 7]. Развитие древнерусского языка этого периода воплощается в структуре языковой личности писателя, в частности в ее прагматическом уровне [6].

Оговорим особо, что мы не умаляем в этом процессе роль самой языковой системы, что обуславливается ее двойственной природой. Многие в языковом развитии происходит под влиянием коммуникативной установки говорящего, но многое определяется и внутренними закономерностями самого языка [7, 118].

Говорящий (древнерусский автор) играет значительную роль в языковой эволюции.

Вместе с тем нельзя не подчеркнуть, что представление об индивидуальном авторском творчестве, согласно утверждению Б.А. Успенского, появляется в России довольно поздно, не ранее XVI в. Авторство в Древней Руси ученый характеризует как «коллективное», «соборное». Это обуславливается тем, что сами создатели текста не рассматривали свою деятельность как творчество, в связи с чем они не считали себя авторами текста. В этимологическом смысле автор – это творец. Творчество – это создание чего-то нового. Создатель древне-

русского текста не ставил перед собой такой задачи, поскольку подлинным создателем текста с его точки зрения является Бог, а он оказывается лишь посредником между Богом и читателем [8, 89-91]. Таким образом, несмотря на плеяду талантливых авторов периода XIV–XVI вв., в целом говорящий этого времени может рассматриваться как коллективная личность.

Когнитивный процесс, способствующий эволюции языковых единиц гипотетической семантики, выражается в этот период в историко-культурном положении Московского государства. Прежде всего это сформировавшаяся в период XV века идея «Москва есть третий Рим». Распространяемая идеология при этом сталкивается с фанатизмом, издревле присущим русскому народу, что усиливает контекст желательности, эволюционируя оттенки гипотетической семантики. В частности, путем сослагательного наклонения древнерусский автор выражает предполагаемое желание или возможность говорящего, к которому относит и себя, например: *Хотели быхом царствия небеснаго [ПИГр, 181]; И ты б, Стефан король, попометовал на то и разсудил – хрестьянским ли добычаем так делаецца? [ПИГр, 215]; И ты бы их отпустилъ добровольно меня дЪля [ХАН, 11].*

Материалы и методы исследования

Исследуемый материал показывает, что формы сослагательного наклонения определяют главным образом условную семантику. Этим, на наш взгляд, объясняется то обстоятельство, что они очень редко используются в памятниках XIV–XVI вв. в простых предложениях, вне предикативных частей с условными отношениями.

Иногда значение желания говорящего сопровождается определением целесообразных границ, рамок того или иного действия субъекта. В этом случае выражение предположительно-желательного значения, в котором участвует форма сослагательного наклонения, сопровождается употреблением выделительно-ограничительной частицы *только*: *Только бы у меня не отняли юницы мояя, ино бы Кроновы жертвы не было [ПИГр, 210].*

Инвариантное грамматическое значение ирреальности, передаваемое формой сослагательного наклонения глагола, выступает в древнерусских памятниках в сочетании с вариантным значением желательности. Желательность осуществления действия, выражаемая посредством контекста, исходит от говорящего, который выделяет это действие как одно из возможных действий в реальном мире: *И он бы их палил, а себя бы уберег [ПИГр., 36].*

Для выражения желательности, с целью подчеркнуть желаемое действие, перевести его в плоскость реальных действий, используется конструкция 'инфинитив + частица *бы*'. Замена ее идентичной формы глагола сослагательного наклонения объясняется функцией инфинитива, который имеет номинативную основу. Помимо формы сослагательного накло-

нения в выражении значения желательности может использоваться инфинитив в сочетании с частицей *бы*. Это позволяет говорящему лишь назвать предположительно-желаемое действие, не относя его к тому или иному субъекту: *ничего иного не хочешь, только бы христианство истребити...* [ПИГр, 230].

Семантика, выраженная сочетанием инфинитива с частицей *бы*, определяется Е.А. Нелисовым как «желательное будущее». Ученый подчеркивает, что рассматриваемому сочетанию также присуще значение ирреальности действия, но выражено оно в этом сочетании только элементом *бы*. Замена инфинитива эвевым причастием приводит к искажению смысла: значение желательности практически исчезает, ср.: *истребити бы – истребил бы* (при определенных условиях). Следовательно, сочетание инфинитива глагола с частицей *бы* не может рассматриваться как аналитическая форма глагола, передающая грамматическое значение сослагательности [9, 61]. Вместе с тем об идентичности гипотетической семантики этого сочетания и форм сослагательного наклонения свидетельствует употребление обоих в одном предложении, например: *И нам бы ... во всех тех речах науку достаточную им дати и мощь супольную на листе своем отвористом прислатъ, за которым бы листом послы наши дела таковыя становити и доканчивати могли...* [ПИГр, 214].

Мировидение русского народа, выражаемое в точном определении, которое В.В. Колесов приводит в виде формулы «жизнь по мечте» [10, с. 125], не в меньшей степени закрепляет в рассматриваемый период сослагательное наклонение как третий компонент грамматической категории наклонения. Об этом свидетельствует активное употребление глаголов в данном значении в памятниках этого периода. Активность этих глаголов проявляется в разнообразии сочетаний их семантики с другими семантическими значениями.

Результаты исследования и их обсуждение

В наших материалах отмечаются также случаи передачи говорящим возможных событий посредством сослагательного наклонения в составе сложных конструкций, в первой части которых изображается потенциально возможный мир с помощью формы будущего времени глагола. Вторая часть конструкции представляет собой косвенный совет, которому, с точки зрения говорящего, необходимо следовать в случае реализации события, излагаемого в первой части конструкции. Перлюкутивный эффект достигается в данном случае посредством косвенного выражения как предполагаемого события, так и побуждения к действию: *и што он учнет тебе от нас говоримы, и ты б ему верил* [ПИГр, 264].

Предположительность события с оттенком уступительности может передаваться в сложноподчиненных предложениях с придаточной уступительной частью, в состав которой входит союз *хотя*. Предположительное значение изображаемого события выражается в данных предложениях по-

средством форм глагола в сослагательном наклонении в придаточной части, а уступительное – придаточной и главной частями, поскольку предполагаемые события, изложенные говорящим в придаточной части, наталкиваются на противоречивые события, изображаемые как будущие реальные в главной части. Таким образом, говорящий передает невозможность трансформации изображаемого виртуального события в реальное.

Важными языковыми средствами, участвующими в передаче уступительное, наряду с отмеченными выше, являются в данном случае противительные союзы *но, а* и противительная интонация: *Хотя бы его нужею выводили ис того д'Бла, но премозкетъ его искра превышная* [ТТ, 558].

Сослагательное наклонение глагола в сочетании с союзом *а*, расположенным в препозиции, может участвовать в выражении целевого значения придаточной части сложноподчиненного предложения. В этом случае придаточные части в составе с рассматриваемыми сочетаниями употребляются как однородные наряду с придаточными целевыми, включающими союз *дабы*. Союз *а* выражает противительные отношения между однородными придаточными частями и одновременно в сочетании с формой сослагательного наклонения глагола – целевое значение: *Истинная щедрость такоже, дабы оставляль захотѣнниа неподобный, а не доискивал бы ся тайницъ тцеславных, а не выкоривал бы, давъ кому, яко же съ оружиемъ* [ТТ, 540].

Когнитивной предпосылкой эволюции сослагательного наклонения в рассматриваемый период является ментальная характеристика русского народа, выражаемая, по мысли В.В. Колесова, «в последовательности изменений важно условие (цель), а не причина». Ученый интерпретирует это следующим образом: «Иными словами, модальный императив важнее прошлых событий, которыми можно пренебречь при определенных условиях» [10, с. 132]. Не случайно сложноподчиненные предложения с условной семантикой заключают в своей основе конструкции устной русской разговорной речи.

В форме устного диалогического повествования представлена речь выдающегося ученого и мыслителя Аристотеля, направленная к царю Александру в произведении «Тайная Тайных». Поучительная речь Аристотеля основана на изложении целого ряда примет, которые помогут царю Александру действовать в тех или иных условиях. Эти приметы излагаются, когда говорящий рассуждает о послых, о воен-

ных, о витязях, о сборщиках дани, о слугах, а также внешних чертах человека. Это верные приметы, и их неприятие влечет за собой плохие последствия: *А не будешь ли мил сим написанным – не будешь милъ ничим иным* [ТТ, 538].

В произведении представлено два вида конструкций. Первый вид включает условную придаточную часть, сопровождаемую главной частью повествовательного характера: *а не будет ли сяковъ, отженеть от тебѣ народ* [ТТ, 570]. *А смѣют ли говорить о тобѣ лихо, смеють учинити* [ТТ, 548]; *А будет ли близьских ко царю, подобаеть отдалити его от беседы царское* [ТТ, 548]. Примеры такого рода построений отмечаем также в других произведениях рассматриваемого периода: *а не каеться и не плачетца о гресе своем и о вине, то уж наказание жестоко надобет* [Д, 69].

Во втором виде конструкций при идентичной придаточной части имеем главную, представляющую собой предложение побудительного характера, в котором излагается совет царю: *а может ли ти ся стати тобѣ, чтобы еси спаль убранны – чинити тое* [ТТ, 578]; *А будет ли воеватися с тыми, кто выйдесть к тобѣ на полѣ, но заставляйся щиты надежными* [ТТ, 580]; *А будет ли годно досмотрети его и наказати на то, и ты откажи и напиши его на другой стороне того же листа* [ТТ, 576]; *а не оставит ли лихого обычая – и скажи его явно пред братиею его, а не оставит и – пусти его прочь* [ТТ, 576]; *будешь ли потребень до ста или до десятка, указуй тым, кто над тыми* [ТТ, 576]; *И всякий листъ прочти его пред правителем сваим, будет ли о военном деле* [ТТ, 576]; *Радит ли тобѣ выдавати что во скарбех, буди се легко во очи твоих* [ТТ, 562]; *А стравит ли того, что добыл у тебе накладаючи на полепшение твое, вѣдай, иже дастъ и живот свой за тебѣ* [ТТ, 562].

Подобные конструкции отмечаются также в других произведениях. В частности, они характерны для «Домостроя», где даются советы, как действовать в том или ином случае, например: *А лучитца у кого кая ссуда взяти, или свое дати... ино пересмотрити, и нового и ветшаного* [Д, 62]; *А купит у кого что ни буди много ли, мало ли, у приездего ли гостя или у християн или у домашнего торгового человека, полюбовно, а денги плати вруч* [Д, 69].

Выводы

Устойчивость синкретизма мышления древнего русича выражается в имплицитной передаче условной семантики. Примечательны в этом отношении сложнопод-

чиненные предложения с изъяснительной придаточной частью.

В придаточной изъяснительной части с целью изображения никогда не имевших места событий употребляется глагол-сказуемое в форме сослагательного наклонения, в которой компонент *бы* выполняет функцию изъяснительного союза, тождественного по семантике союзу *чтобы*. Использование подобных конструкций позволяет говорящему не только изобразить предполагаемые события, призвать слушающего их представить, но и дать им субъективно-негативную оценку: *А тово при предках твоих николи не бывало, что послы идут, а они бы ратью шли...* [ПИГр', 220].

Таким образом, проанализированные единицы гипотетической семантики позволяют утверждать, что в период XV–XVI вв. существования Московского и зарождающегося Российского государства мировидение русского народа с актуализацией в его ментальности мечтательности способствовало эволюции гипотетической семантики в русском языке. Усиление ее роли в построении конструкций связывается с прагматико-коммуникативной направленностью текста этого периода.

Список литературы

1. Русская грамматика. – Том I. – М.: Наука, 1982. – С. 625–626.
2. Жаналина Л.К., Килева Л.Т. и др. Язык современной науки: Языковые портреты. Учимся искусству научной речи / Учебное пособие / Под редакцией Л.К. Жаналиной. – Алматы, 2010. – С. 6–94.
3. Килева Л.Т. Картина мира древних славян. Категория наклонения: Монография – Алматы: АГУ им. Абая 2002. – 176 с.
4. Лихачев Д.С. Литература «государственного устройства» (середина XVI века) // Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI века. – М.: Художественная литература, 1985. – С. 5–16.
5. Лихачев Д.С. На пути к новому литературному сознанию // Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XVI в. – М.: Художественная литература, 1986. – С. 5–14.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 263 с.
7. Николаева Т.М. Коммуникативно-дискурсивный подход и интерпретация языковой эволюции // Вопросы языкознания. – 1984. – № 3. – С. 111–119.
8. Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2002. – С. 5–266.
9. Нелисов Е.А. Сослагательное наклонение в русском языке (значение и употребление). – Таллинн: Валгус, 1989. – 142 с.
10. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова»... – СПб.: «Златоуст», 1999. – 368 с.
11. ПИГр – «Послания» Ивана Грозного. – Погодинский список. – М.-Л.: АН СССР, 1951. – 715 с.
12. ХАН – «Хождения за три моря» Афанасия Никитина. 1466–1472 гг. Троицкий список. – М.-Л.: АН СССР, 1948. – С. 7–32.
13. ТТ – Тайная Тайных // Памятники литературы Древней Руси: Конец XV – первая половина XVI века. – М.: Художественная литература, 1984. – С. 534–590.
14. Д – Домострой. – М.: Советская Россия, 1990. – 304 с.